

Каб раскрыць перад навучэнцамі абумоўленасць ужывання гэтых слоў прыналежнасцю да пэўнага класа, прапаноўваем наступныя схемы з адпаведнымі тлумачэннямі, прыводзім прыклады і іх пераклад:

як	прислоўе	how
	кароткі прыметнік	how
	дзеяслоў	(пыт. ск.) how / (клічн. ск.) how
як і	поўны прыметнік	how
	назоўнік	(пыт. ск.) what, what kind of (клічны сказ) what

Як цікава ён расказвае!; Як ён чытае?; Як ён чытае!; Які твор ён чытае?; Які цікавы твор мы прачыталі!

Так	прислоўе	so
	кароткі прыметнік	so
	дзеяслоў	so, like that, this way
такі	поўны прыметнік	so
	назоўнік	such

Ён расказвае так цікава!; Ён так думае; Я зрабіў гэта так; Ён такі цікавы чалавек!; Мне падабаецца такі клімат.

Англійскае слова *so* (так, такі) мае таксама значэнне прислоўя таму. Англафоны па аналогіі са сваёй мовай накладваюць гэта значэнне і на прислоўе *так*, памылкова выкарыстоўваючы яго для выражэння выніковых адносін: *Вы нас запрасілі, так мы прыйшлі*. Папярэджваем навучэнцаў, што слова *так* гэтага значэння не мае.

Параўнальны злучнік *як* мае адпаведнікі ў англійскай мове – *as, like* – таму семантызуем іх шляхам перакладу.

Прыводзім таксама наступныя параўнальныя звароты і іх пераклад:

так...як (i) as...as, as well as; не так ...як not so as; такі ...як (i) as...as; не такі ...як not so...as. На пачатку даём адмоўныя звароты: яны больш адпавядаюць англійскім аналагам.

Для замацавання ўжывання слоў *як, які, так, такі* прапануем практыкаванні на ўстаўку гэтых слоў у сказы, на пераклад на беларускую мову сказаў з улікам міжмоўных суадносін.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ОБЪЕМЕ ПОНЯТИЯ «АЛЛЕГОРИЯ» В АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

А. Г. Терехова

Для того чтобы определить суть аллегории в современной лингвистике, обратимся к исследованиям В.П.Москвина. Для начала отметим, что по его классификации аллегория находится в составе фигур по-

яснения. Он пишет: «Приемы пояснения можно разделить на две категории: приемы пояснения слов и приемы пояснения мыслей» [9, с.335]. Приемами пояснения слов являются плеоназм, логическая дефиниция и фигура этимологии. А пояснить мысль, которая является абстрактным понятием, можно путем «опредмечивания – конкретизации с помощью наглядных образов. С целью конкретизации отвлеченного понятия используются иллюстративные примеры – факты, приводимые с целью пояснить, доказать что-либо» [9, с.335]. Для конкретизации абстрактного понятия используются сравнения, метафоры, аллегории.

Итак, у В.П.Москвина аллегория определяется как *«развернутая незамкнутая метафора, используемая в качестве приема пояснения определенной моральной истины»* [9, с.336]. Для пояснения этого определения нужно проследить разницу между замкнутой метафорой (метафорой-сравнением) и незамкнутой (метафорой-загадкой). Замкнутая метафора состоит из двух компонентов: из слов-носителей метафоры и ключевых слов. Для примера В.П.Москвин приводит следующие словосочетания: *болото мещанства, болото обывательщины, болото пьянства*. Здесь *болото* – слово-носитель метафоры, а ключевыми словами являются *мещанство, обывательщина, пьянство*. Если такие ключевые слова отсутствуют, то замкнутая метафора переходит в незамкнутую, и при ее развертывании получается аллегория, другими словами, аллегория – это многочленная развернутая незамкнутая метафора.

Для сравнения приведем определения аллегории других современных авторов. Итак, Е.В.Клюев пишет, что аллереорию *«часто называют “систематизированной метафорой”, поскольку аллегория наиболее последовательно переводит мысль в “картину”. Впоследствии “картина” должна быть снова разгадана как мысль»* [8, с.189]. Как видно из определения, у Е.В.Клюева, как и у В.П.Москвина, аллегория конкретизирует абстрактную мысль, а также говорится о том, что аллегория состоит из метафор. По А.Н.Квятковскому: *«Аллегория – иносказание; изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа»* [7, с.16]. Общее у этого определения с предыдущими то, что аллегория изображает абстрактную мысль. Но не говорится об отношении аллегории к метафоре, а также понятие образа в данной дефиниции вызывает сомнение, ведь образ – это единичное понятие, как символ или знак, а аллегория, что следует из вышеуказанных определений, должна проявляться на отрезке текста.

Обратимся теперь к античному пониманию аллегории, а именно, к александрийскому филологу Трифону и римскому ритору Квинтилиану (далее цитаты из трактата Трифона «О тропах» [2] и 6-й главы VIII-й

книги «Воспитания оратора» Квинтилиана [3] даются в нашем переводе – А. Т.).

Итак, у Трифона понимание аллегории следующие: *«аллегория есть изречение, которое, показывая что-то иное в собственном смысле слова, дает понятие иного по подобию в наибольшей степени»* [2, с.191]. Что общего в эллинистической дефиниции аллегории и современной? Во-первых, аллегория – это изречение, то есть определенный отрезок текста, а во-вторых, присутствует указание на метафоричность аллегории.

У Квинтилиана следующая дефиниция аллегории: *«аллегория, которую переводят как иносказание, или обозначает иное словами, иное по смыслу, или также иногда обозначает противоположное»* [3, с.87]. Потом он добавляет, что *«аллегория делает непрерывная метафора»* [3, с.108]. Как видно, и у Квинтилиана аллегория – это метафорическая речь. Однако, для понимания сути аллегории примеры более значимы у Квинтилиана, чем у Трифона.

Рассмотрим подробнее, на каких основаниях должно строиться определение аллегории. Например, В.П. Москвин предлагает исходить из трех аспектов, чтобы наиболее точно определить аллeгорию:

- формальный (развернутость аллегории в повествовательный текст);
- контекстуальный (незамкнутость аллегории, которая предполагает ее интерпретацию);
- функциональный (дидактическая направленность аллегории).

Мы добавим еще четвертый аспект – это метафоричность аллегории.

Рассмотрим подробнее каждый из аспектов.

Формальный аспект. Как уже говорилось раньше, аллегория представляет собой отрезок текста, то есть состоит из цепочек метафор. Поэтому здесь важно отметить два факта, на которых акцентирует внимание В.П.Москвин:

- «план выражения аллегории представляет собой...повествовательный текст, то есть определенную сюжетную структуру» [9, с.338];
- «если простая метафора является знаком, а значит элементом языка как системы, то аллегория представляет собой не знак, а повествование и потому принадлежит сфере речи» [9, с.338].

Проанализируем, как проявляется этот аспект у Трифона и Квинтилиана. Итак, в определении Трифона присутствует формальный аспект, аллегория, по Трифону, – это изречение. Квинтилиан непосредственно в определении обходит этот аспект стороной, но дальше он говорит, что аллегория строится на непрерывной метафоре, а также, на примерах, приводимых Квинтилианом, видно, что аллегория реализуется на отрезке текста.

Контекстуальный аспект. Содержание аллегории состоит из двух слоев. Первый, поверхностный слой, – это прямые значения слов, второй – это основной слой, в котором раскрывается смысл аллегии.

«Осмысление аллегии предполагает мысленный переход от первого ее плана ко второму, то есть интерпретацию» [9, с.341]. Другими словами, из-за того, что аллегория – это незамкнутая метафора, которая не предполагает наличие ключевых слов, нам приходится самим истолковывать аллегию.

У Трифона и Квинтилиана присутствует и этот аспект. У Трифона говорится о двух слоях содержания аллегии: *«аллегория...показывая что-то иное в собственном смысле слова, дает понятие иного...»* [2, с.191], то есть аллегория подразумевает интерпретацию. У Квинтилиана также присутствует этот аспект: *«аллегория...обозначает иное словами, иное по смыслу...»* [3, с.87], то есть одно нам говорится открыто, другое мы должны понять сами.

Функциональный аспект. По В.П.Москвину, функциональность аллегии заключается в том, что она используется в качестве пояснения, то есть выполняет поучительную функцию. Поэтому примерами аллегии у В.П.Москвина являются басни, апологи, притчи, пословицы. Хотя, на наш взгляд, дидактическая направленность аллегии весьма факультативна, ведь и вне этих жанров аллегория широко распространена.

Что касается функционального аспекта у Трифона и Квинтилиана, то у них аллегория не имеет дидактической направленности, и ни один из них не говорит, для чего вообще используется эта категория. Ведь аллегория в античности – это «туманное», иносказательное изречение. Такое понимание намного шире, чем современное. Позднее Хировоск (VI в. н. э.) в трактате «О поэтических тропах» выделяют несколько целей в использовании аллегии. Он пишет, что «используется она и из-за важности, и из-за осторожности» [1, с.244].

Метафорический аспект. Аллегория состоит из соединения метафор. Этот аспект присутствует у Трифона: *«аллегория...дает понятие иного по подобию в наибольшей степени»* [2, с.191]. Подобие является условием реализации аллегии и объединяет ее с метафорой. У Квинтилиана этот аспект не обязателен, так как он выделяет аллегию «из соединения метафор» и аллегию «без метафор».

Выводы. В современной лингвостилистике аллегория – это развернутая поликомпонентная незамкнутая метафора. Данная дефиниция строится на следующих аспектах: формальном, контекстуальном, а также на метафоричности аллегии. Функциональный аспект, то есть дидактическая направленность аллегии, имеет место только тогда, когда аллего-

рия присутствует в баснях и притчах. Но так как это не единственная сфера употребления аллегории, функциональный аспект будем считать факультативным.

Античное понимание аллегии намного шире, чем современное. Аллегория в античности – это «туманное», иносказательное речение. Аллегория как прием иносказательной речи к концу античности расширяется до «парафразы», буквальное значение которой, по С.С. Аверинцеву, «“пересказывание”: иносказательное высказывание *того-же-по-иному*, “переложение”, как бы перекладывание смысла из одних слов в другие» [4, с.152].

Если сравнивать аллегию у Трифона и у Квинтилиана, то непосредственно само понимание этой категории очень близко, но если обращать внимание на примеры и объем статей, то видно, что в эпоху эллинизма аллегория не являлась «основной» категорией (у Трифона очень маленькая статья с одним примером), но уже в I в. н. э. значение аллегии возрастает (Квинтилиан детально рассматривает аллегию, классифицирует ее, говорит о “недостатках” и “достоинствах” в употреблении аллегии).

Литература

1. [Γεωργίου του Χοιροβόσκου περί τρόπων ποιητικῶν //] Spengel L. (Ed.). *Rhetores Graeci*. Vol. III. Lipsiae, 1856. S. 244-245.
2. [Τρύφωνος περί τρόπων //] Spengel L. (Ed.). *Rhetores Graeci*. Vol. III. Lipsiae, 1856. S. 193.
3. Quintilianus M. Fabius. *Institutiones oratoriae libri duodecim*. / (Ed.) M. Meisfer. Lipsiae, 1887. S. 87-89.
4. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
5. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991.
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003.
7. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
8. Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.
9. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретич. курс: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2006.

ОБ ИНФОРМАТИВНО-ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ М. А. БУЛГАКОВА «ДЬЯВОЛИАДА», «РОКОВЫЕ ЯЙЦА», «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»)

И. Н. Хохлова

Истинный писатель – всегда создатель неповторимой и своеобразной художественной системы, пронизанной внутренними закономерностями и соответствиями. Архитектоника этой системы является выражением